Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 4. С. 167–184
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-167-184
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 4, 2025, 167–184
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Е. Р. Обатнина

БЛОКИАНА АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА: ПОЭТИКА «ПРИРАЩЕНИЯ СМЫСЛА» И «КУЛЬТ БЛОКА»

Elena R. Obatnina

THE *BLOKIANA* BY ALEXEY REMIZOV: THE POETRY OF "ENRICHMENT" AND THE "CULT OF BLOK"

Резюме. Статья представляет собой развернутую форму научного комментария к произведениям А. М. Ремизова, вошедшим в тома Собрания сочинений писателя (ИРЛИ РАН). Объектом исследования является корпус произведений (1921–1946), посвященных памяти Александра Блока, который автор статьи объединяет под определением «Блокиана». В статье рассматриваются случаи латентного и прямого цитирования произведений Блока или литературных источников, ассоциированных с его личностью. На конкретных примерах автор раскрывает функциональную роль явной или латентной цитации в процессе моделирования образа поэта, отмечая перекодирование исходного содержания «чужого» текста в соответствии с задачами последовательно создаваемого писателем «культа» Блока (А. В. Бахрах). Неразрывная связь культа с мифом позволяет считать Блокиану вкладом писателя в создание мифа о поэте, до известной степени сопоставимого с феноменом пушкинского мифа. Анализ функциональной роли блоковского субстрата в очерках ad memoriam обнаруживает поступательное движение («приращение» по определению Е. Г. Эткинда) художественной мысли писателя от очерка к очерку с целью обозначить взаимосвязь этих текстов и восполнить недостающее звено, которое является завершением сочиненного Ремизовым «апокрифического» сюжета о Блоке-«изгнаннике». Автор статьи вводит в научный оборот неизвестный автограф Ремизова (1931) и обосновывает принадлежность этого текста и его печатных редакций к Блокиане как корпусу опубликованных самим писателем художественных произведений, характеризующихся мемориальным, автобиографическим и мифологическим аспектами повествования.
Ключевые слова: типология цитирования, авторские приемы моделирования художественного образа, автографы и редакции, А. М. Ремизов, А. А. Блок
Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, lena.eo@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1823-6321.
Для цитирования: *Обатнина Е. Р.* Блокиана Алексея Ремизова: поэтика «приращения смысла» и «культ Блока» // Словесность и история. 2025. № 4. С. 167–184.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-167-184

Abstract. The article presents a detailed commentary on A. M. Remizov's works, which are included in the Collected Works of the writer (Pushkinskii Dom, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences). The focus of this research is the collection of essays (1921–1946) dedicated to the memory of Alexander Blok. The article examines cases of latent and direct quotations from Blok's works or from literary sources associated with his personality. Using specific examples, the author reveals the functional role of explicit or latent quotations in the process of modeling

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

a poet's image by noting the re-encoding of the original content of an "alien" text according to the tasks of "Blok's cult" (A. V. Bakhrach), which was consistently created by the writer. The inextricable connection between cult and myth allows us to consider the corpus of texts called '*Blokiana*' as the writer's contribution to the creation of a myth about the poet, which in terms of its cultural significance is equivalent to Pushkin's myth. The analysis of the functional role of the Blok substrate in ad memoriam essays discovers progressive movement (or "enrichment" according to E. G. Etkind's definition) of the writer's artistic thought from essay to essay. Moreover, the article identifies the relationship of these texts and fills in the missing link, which is the completion of Remizov's "apocryphal" plot about Blok, the "exile". The author of the article introduces Remizov's previously unknown autograph (1931) to a scholarly audience and substantiates the affiliation of this text and its published variants with the *Blokiana*. Published by the writer himself, this corpus of fiction works is characterized by memorial, autobiographical and mythological aspects of narrative.
Keywords: citation typology, author's approach to artistic image modeling, autographs and published variants, the myth of Alexander Blok, the phenomenon of Alexander Blok, Alexei Remizov.
Information about the author: Elena R. Obatnina, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, lena.eo@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1823-6321.
For citation: Obatnina, E. R. (2025). 'The *Blokiana* by Alexey Remizov: The Poetry of "Enrichment" and the "Cult of Blok"', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 4, 167–184.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-167-184

По словам А. В. Бахраха, одного из последних могикан поколения эмигрантов первой волны, у А. М. Ремизова «был некий „культ“ Блока, который к концу его жизни только углублялся» [Бахрах, с. 14]. Действительно, на протяжении двадцати с лишним лет Ремизов отмечал скорбные юбилеи со дня смерти поэта публикациями очерков, объединенных ярко выраженными жанрово-стилистическими особенностями. В творческом наследии писателя каноническим считается триптих «Из огненной России. Памяти Блока» / «К звездам» (1921); «Десять лет» (1931); «По серебряным нитям (Лития)» (1946)[1]. В нашей статье мы уточним состав произведений, написанных в память о Блоке, называя этот корпус собирательным определением «Блокиана».

Сложившийся к настоящему времени обширный и тщательный историко-литературный комментарий к упомянутому триптиху демонстрирует значительный слой «чужого» текста как в описаниях реальной жизни, так и во фрагментах, раскрывающих метафизический уровень ремизовской интерпретации судьбы и образа поэта[2]. Обнаружение источника к поставленному в кавычки фрагменту представляет собой лишь необходимый и достаточный результат научной рефлексии, нередко ограниченный задачами академических собраний

[1] Далее тексты очерков цитируются по т. 10 Собрания сочинений писателя [Ремизов 2000, т. 10, с. 323–338], с указанием года публикации в скобках.

[2] См.: [Кайдалова, Примочкина; Ремизов 2000, т. 7, с. 508–515, коммент. Е. Р. Обатниной; Ремизов 2000, т. 10, с. 504–510, коммент. А. М. Грачевой; Грачева 2011].

сочинений или публикацией материалов в серии «Литературное наследство», и иногда требует пересмотра с точки зрения коннотаций с литературными источниками, не всегда оказавшимися в поле зрения исследователей. Нельзя не признать, что именно начальное научное сопровождение к поминальным очеркам триптиха позволяет обратить внимание на обойденную в ремизоведческих изысканиях проблему функциональной роли источников, послуживших писателю для моделирования образа Блока. Отчасти эти шаги предприняты в статье, открывающей корреляции художественного описания посмертной судьбы поэта с эзотерической литературой [Грачева 2011]. Однако для нас очевидно, что не менее продуктивным в обозначенной нами проблеме станет изучение прецедентов явного / латентного цитирования лирики Блока или произведений, ассоциированных с личностью поэта (назовем последнюю категорию произведениями «блоковского ареала»).

В статье З. Г. Минц, открывшей в 1981 г. тему «Блок и Ремизов» и по сей день не потерявшей своей актуальности, отмечено, что уже первые личные контакты Блока и Ремизова обнаружили кардинальные расхождения двух типов художественного сознания [Минц, Юлова, с. 64]. При рассмотрении мемориального триптиха как автобиографической прозы с выраженной исповедальной интонацией с нашей стороны было бы упущением не принять во внимание одно мысленно адресованное поэту признание — о том, что к эстетике его символистских стихов писатель оставался как будто индифферентен:

> «...все ваши стихи переслушал, носом клюя, ничего не поделаешь, не сердитесь» (1946) [Ремизов 2000, т. 10, с. 336].

В очерках триптиха Ремизов последовательно доказывал, что существенная в самом начале знакомства разнонаправленность культурных ориентаций[3] не могла повлиять на глубокую взаимосвязь, возникшую между ними по наитию, по сходству мироощущений. Здесь также уместно вспомнить еще одно утверждение писателя, касающееся поэзии, которое устанавливает принципиальную свободу его личной рецепции:

> «Стихи не для того, чтобы понимать, их и не надо понимать, стихи слушают сердцем, как музыку...» (1921) [Ремизов 2000, т. 10, с. 332].

Высказанная позиция отчасти проясняет, почему в поминальных очерках Ремизова наряду с использованием фрагментов блоковского текста в каче-

[3] Условно эти культурные локусы можно назвать архаическим, народнопоэтическим (для Ремизова) и теургическим, восходящим к новоевропейской эстетике (для Блока). Ср. иконические образы Ремизова и Блока как шамана в «лисьей острой шапке под вой и бой бубна» и рыцаря, «закованного в латы с крестом» (1921) [Ремизов 2000, т. 10, с. 328].

стве неоспоримой аргументации к авторской мысли[4], — обнаруживается смысловой разрыв с исходной семантикой выбранной коннотации, аллюзии или даже прямой цитаты. Уровень корреляции с источником в текстах Блокианы разнообразен. Уже в первом очерке 1921 г. можно выделить несколько подобных случаев.

1

(1) Случай использования первой и последней строф из стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...» (1905) в качестве эпиграфа к очерку 1921 г. относится к разряду простейших, весьма схожих с приемами, эксплуатируемыми в жанре литературной биографии. Образно-смысловое содержание лирических строк здесь спроецировано на авторскую интерпретацию феномена Блока. Ключевой образ ребенка, оплакивающего мир, является экспликацией темы тайного знания поэта «вроде как не человека», «нечеловеческого человека» (1921) [Ремизов 2000, т. 10, с. 331], которая в дальнейшем будет развиваться в новых ракурсах. Так, в очерке 1931 г., возвращаясь к поэме «Двенадцать», Ремизов показывает другой «лик» поэта, рисуя его «окаменелым» оракулом, сохраняющим в вечности знание о природе человеческого бунта:

> «...через годы «пустыни», дней молчания и труда, выступает передо мной лицо человека с упорными беспощадными глазами, человека, окаменелого в том твердом убеждении, которое движет горами, он смотрит, не закрывая глаз, ⟨...⟩ на эту вздыбившуюся жалкую жизнь бунтующего человека...» (1931) [Ремизов 2000, т. 10, с. 333].

Использование текста-источника в качестве эпиграфа традиционен по внешней функции паратекстуального элемента, открывающего выход за пределы образно-ситуативной рамки цитаты в область целеполаганий авторского текста.

(2) Помимо выраженных цитаций, в ремизовском триптихе угадываются признаки специфической формы пересказа поэтического источника. Писатель отмечал, как явственно ему открылась уже в 1905 г. исключительность молодого поэта. Необычные свойства личности Блока, очерченные в мемориальном дискурсе 1921 г. такими интуитивными определениями, как «нечеловеческий человек», «как бы не человек», «что-то всегда было чудно́е, когда я говорил с вами», — соотнесены с семантикой нездешнего мира, огня, мечты об идеальной жизни. Все эти эпитеты собрались в заключительном очерке 1946 г.,

[4] Такова, например, функция строфы стихотворения «Болотные чертенятки» (1905), посвященного Ремизову [Ремизов 2000, т. 10, с. 328] (1921).

в котором Блок назван «изгнанником» небес [Ремизов 2000, т. 10, с. 336]. В логике этого определения мемуарист рассуждал о «счастье» возвращения для души, завершившей земной путь:

> «Не видеть земли, без „музыки“ — это такая последняя беда, и от этой беды не уйти — а если вовсе и не беда, а первое великое счастье? ⟨...⟩
> Счастлив ли дух ваш?
> Хоть на мгновенье вы обрадовались там — вы радовались
> за гранью этой жизни ⟨...⟩
> или вам еще предстоит встреча — счастливые дни?» (1921)
> [Ремизов 2000, т. 10, с. 323–324].

В стихотворении Блока из цикла «Город» мы можем предположить один из источников созданного Ремизовым образа:

> Я вам поведал неземное.
> Я всё сковал в воздушной мгле.
> ⟨...⟩
> И скоро я расстанусь с вами,
> И вы увидите меня
> Вон там, за дымными горами,
> Летящим в облаке огня!
> [Блок 1997, т. 2, с. 114]

Принцип такого отождествления поэта и его лирического героя соответствует ремизовскому пониманию художественного произведения как экстраполяции личности автора в каждом из художественных образов [Ремизов 2000, т. 14, с. 247–248]. С другой стороны, этот принцип также отвечает концепции «пути», выстроенной Блоком в его «трилогии вочеловеченья» [Максимов]. Упомянутое стихотворение, несомненно, только один из возможных прототекстов, на основании которого писатель моделировал образ Блока, объединяя смыслоформы, извлеченные из лирики поэта.

(3) Использование прямой хрестоматийной цитаты в мемориальном дискурсе ремизовских очерков может служить маркером неоднозначной авторской интерпретации, касающейся личности и судьбы Блока опосредованно, через образы его поэтического мира. Посмотрим, как писатель распорядился цитатой из стихотворения «Незнакомка» (первоначальное название «Озерки», 1906).

В коротком эпизоде первого памятного очерка, хронологически относящемся к началу августа 1921 г., кратко обрисована ситуация сборов перед тайным отъездом супругов Ремизовых за границу. Общее настроение «разоренной» жизни дополнялось тревогой о состоянии здоровья Блока, который в это время уже тяжело болен:

«...незадолго перед тем заходил к нам Евгений Павлович Иванов — и каждый вечер друг единственный — он, как всегда, вошел боком и, стоя, завели разговоры, без слов, больше мигом, ухом и скалом, вас поминали...» (1921) [Ремизов 2000, т. 10, с. 327].

Переадресация поэтического образа к самому близкому в окружении поэта человеку — глубоко религиозному, скромному, даже наивному — опирается на общеизвестный факт дружбы [5] и, на первый взгляд, полностью отвлечена от стихотворного контекста, в котором «друг единственный» — не то галлюцинация, не то отражение самого поэта:

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен
[Блок 1997, т. 2, с. 122]

Для понимания скрытых причин использования цитаты в не свойственном ей смысловом значении обратимся к ценному и довольно обширному свидетельству самого Евгения Павловича, оставившего дневниковые записи о том, как Блок специально провел его по местам, с фотографической точностью запечатленным в стихотворении «Незнакомка», и буквально заставил пережить момент отражения «друга единственного» и оглушения «влагой терпкой и таинственной»:

«— Женя, я пришел, чтоб ехать с тобою в Озерки: гулять. хочешь? ⟨...⟩ Приехали. Пошли на озеро, где „скрипят уключины“ и „визг женский“. В Шувалово прошли. Там у Вокзала Кафе. В кафе пили кофе. *Потом Саша с какой-то нежностью ко мне, как Вергилий к Данте*, указывал на позолоченный „крендель булочной“, на вывеске это⟨го⟩ кафе. Все это он показывал с большой любовью. *Как бы желая ввести меня в тот путь, которым велся он тогда в тот вечер, как появилась Незнакомка впервые* (курсив мой. — *Е. О.*). Наконец привел на вокзал озерковский (Сестрорец⟨кой⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩) Из большого венецианского окна видны „шлагбаумы“, на все это он указывал по стихам. В окне видна жел⟨езная⟩ дорога, Финляндская жел⟨езная⟩ д⟨орога⟩. Поезда часто проносятся мимо... Зеленеющий в заре кусок неба то закрывается, то открывается. С этими пролетающими машинами связано и появление в окне Незнакомки.
„Теперь выпьем, Женя“.
Я насчет пьяниц с глазами кроликов ⟨...⟩
Пьем вино. Вино не дорогое, но „терпкое“, главное — с „лиловатым отливом“ ночной фиалки, в этом вся тайна. ⟨...⟩ Пьем. И говорим серьезно. То есть он говорит. Я молчу. О „Незнакомке“.
Я начинаю почти видеть ее. ⟨...⟩

[5] См. о Е. П. Иванове в новейших изданиях: предисловие В. Н. Быстрова [А. А. Блок и Е. П. Иванов, кн. 1, с. 5–18]; статья О. Л. Фетисенко «„В ангельских крыльях зари...“: Евгений Иванов — друг и хранитель памяти Александра Блока» [А. А. Блок и Е. П. Иванов, кн. 2, с. 5–74].

Выпиваем вторую. Значит, каждый по бутылке.
— Саша, не надо. Я не буду. — Будешь! Дайте еще бутыл⟨ку⟩. — Надо, чтоб пол начал качать⟨ся⟩ немного. ⟨...⟩
Незнакомки не дождались, поехали тем же путем. Вышли у Летнего сада. Меня сильно мутило с одной бутылки. Вино было подкрашенное, по-видимому, но терпкое и лиловое» [А. А. Блок и Е. П. Иванов, кн. 2, с. 141–143].

После экскурсии по Шувалову-Озеркам «морская болезнь от незнакомки», как зафиксировал в том же дневнике Евгений Павлович, крутила его еще сутки.

История о совместных похождениях с Ивановым стала предметом добродушных шуток поэта и очень позабавила Любовь Дмитриевну Менделееву-Блок [А. А. Блок и Е. П. Иванов, кн. 2, с. 143]. Ироническое снижение пафоса собственной поэзии было свойственно Блоку[6]. В этом смысле экскурсия в Озерки послужила своего рода испытанием на подлинность поэтического переживания.

Вряд ли возможно найти документальное подтверждение нашему предположению о том, что Ремизову как ценителю подобных жизненных анекдотов, сближающих трагическое и комическое, была доверена история о «морской болезни от незнакомки»[7]. Тем не менее очевидно, что в соотнесении с записями Е. П. Иванова ремизовский прием использования известной цитаты не так уж и однозначен, если предположить, что она введена номинально, по факту дружбы.

На наш взгляд, в подтекстовом слое воспоминаний Ремизова образ «друга единственного» коррелирует не с содержанием стихотворения, а с биографическим эпизодом, известном лишь близким людям, пользовавшимся душевным расположением поэта. Прочитываемый в очерке намек на прогулку по местам стихотворения «Незнакомка» вписывается в стилистику автобиографической прозы Ремизова, где такого рода факультативная информация из жизни самого писателя создавала своего рода нишу для читателей своего круга.

---

[6] В архиве поэта сохранился автошарж на собственное стихотворение «Спустись в подземные ущелья...» (1903) в виде рисунка. См. воспроизведение: [Литературное наследство, т. 89, с. 275]. В мемуарных свидетельствах упоминается случай блоковского шуточного переосмысления строчки «И вьется шлейф, как хвост кометы...» из его стихотворения «И я провел безумный год...» (1907), которая после громкого литературного скандала «о обезьяньем хвосте» с участием Ремизова [Обатнина 2001, с. 60–73] вызывала у поэта приступ не всегда уместной смешливости [Чулков, с. 161]. Здесь мы не касаемся шуточных стихотворных экспромтов поэта, известных по альбому «Чукоккала» К. И. Чуковского.

[7] Для Ремизова «озерковская» история могла быть интересна с точки зрения метаморфозы, которую в бытовом контексте претерпевает высокая поэзия, обращаясь в бурлеск. Подробнее на эту тему см.: [Обатнина 2011].

С другой стороны, запись Иванова, зафиксировавшая конкретный биографический эпизод, произошедший 9 мая 1906 г., позволяет выделить в художественной системе стихотворения единственного героя, наделенного прототипическими свойствами. Как почувствовал и сам Евгений Павлович, сравнив прогулку по Озеркам с путешествием Данте в сопровождении Вергилия по загробному миру, история, в сущности, открыла, что именно он, а не кто-либо другой являлся невидимым собеседником, идеальным alter ego поэта, в котором он нуждался на пути, нисходящем в «страшный мир»[8].

В финальной мизансцене встреча с Ивановым получает мифологическую перекодировку, превращающую всех участников эпизода в героев ремизовской сказки «Котофей Котофеич» (1906; во второй редакции «Зайка») из книги «Посолонь» (1907). И уже не Ремизовы и Евгений Павлович, а «Чучела-чумичела и кум его Волчий хвост — „шептались долгое время“» [Ремизов 2000, т. 10, с. 327]. В результате малоинформативный эпизод был синхронизирован сразу в двух планах повествования. В реальности собравшиеся понимали друг друга «без слов», в метафизическом мире их сказочные двойники — носители сакрального знания — собрались на границе жизни и смерти[9], чтобы совещаться о предстоящем «возвращении» души Блока[10].

(4) Еще более сложный генезис образа Блока, ассоциированный с художественным произведением и литературным героем другой эпохи, мы находим во фрагменте очерка «Из огненной России» / «К звездам», связанном с постановкой трагедии Шекспира «Король Лир» на сцене Большого Драматического театра в сентябре 1920 г.[11] В этот период Блок запомнился Ремизову человеком, воспринявшим Октябрьский переворот 1917 г. как обрушившуюся на Россию неотвратимую стихию. Ее разрушительная мощь входит в сознание поэта оглушительными звуками исторического времени — «музыки» революции.

---

[8] Фрагменты дневниковой записи Иванова, соответствующие такой смысловой нагрузке, мы отметили выше курсивом. Ср. интерпретацию образа «друга единственного» как отражения самого поэта в бокале с вином [Пайман, с. 271].

[9] Так, собственно, и Ремизов воспринимал свою личную ситуацию перед отъездом за границу. Ср.: «в день похорон, когда вашу Трудовую книжку ⟨...⟩ дали в отдел Похорон, я свою ⟨...⟩ отдал в Нарве в отдел Пропусков» [Ремизов 2000, т. 10, с. 324].

[10] В сюжете сказки совещание героев также было связано с мотивом пути, только в коннотациях с жизненными перспективами главной героини — Зайки, которую ее покровители готовили в «путь-дорожку» к Морю-океану [Ремизов 2000, т. 2, с. 74].

[11] В постановке за текст трагедии был принят перевод А. В. Дружинина (1856), специально для БДТ отредактированный Ф. Ф. Зелинским и дополнительно поправленный Е. И. Замятиным. Режиссерская работа А. Н. Лаврентьева осуществлялась в тесном сотрудничестве с Блоком, в то время выполнявшим обязанности Председателя Директории театра.

Известно, что Ремизовы были на премьерном спектакле «Короля Лира»[12]. Писатель, для которого театр был сферой самых авангардных в его творчестве экспериментов, несомненно, следил за печатными выступлениями Блока о шекспировской постановке. В частности, он вряд ли пропустил рассуждения поэта о «пропасти, обойти которые не всегда зависит от нашей воли» в статье «„Король Лир“ Шекспира. (Речь к актерам Большого Драматического театра)» [Блок 1960–1965, т. 6, с. 409][13], воспринимая изложенную поэтом концепцию трагедии в сопоставлении с реалиями современного исторического времени. Мир шекспировской трагедии, в которой, по словам Блока, «простейшим и всем понятным языком говорится о самом тайном, о чем и говорить страшно, о том, что доступно, в сущности, очень зрелым и уже много пережившим людям» [Блок 1960–1965, т. 6, с. 402], послужил Ремизову декорациями для рассказа о последних днях поэта, созданного гипотетически, поскольку в жизни писателя в это же время произошло поворотное в его судьбе событие — выезд за пределы России, — которое впоследствии он сравнивал с переходом в «иной мир». Сюжет пьесы остался вне семантического поля поминального очерка. Опираясь на корреляцию бури и короля Лира, писатель создает собственную интерпретацию образа Блока — автора поэмы «Двенадцать».

Аллюзии к пропасти-гибели различимы в ремизовском описании кануна 7 августа как «Лировой ночи», погруженной в стихию бури. Писатель даже сочинил собственное переложение текста из третьего акта трагедии, повествующее о драматической коллизии:

> ...какая ужасная была ночь — Лирова ночь! *какой рвущий ветер и дождь* (курсив мой. — *Е. О.*),
> ветер ввиил —
> и сам щичавый зверь содрогнулся б!
> ветер до — сердца! ⟨...⟩ (1921)
> [Ремизов 2000, т. 10, с. 323]

Ремизовский контрапункт «бури» приближен к переводу А. В. Дружинина:

> ⟨...⟩ Из людей
> Никто не видел ночи больше страшной!
> От гневных туч ночные звери даже
> Пугаются в горах.
> [Шекспир, с. 158]

---

[12] См. наш комментарий к очерку «К звездам» в составе книги «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин, 1922): [Ремизов 2000, т. 7, с. 508].

[13] Впервые статья Блока «„Король Лир“ Шекспира. (Речь к актерам Большого Драматического театра)» появилась в журнале «Дом Искусств» (1921. № 1. С. 51–56) с датировкой 31 июля 1920 г. В этом же номере был опубликован памфлет Ремизова «О человеке — звездах — и о свинье» (с. 1–4).

В трагедии верный слуга Кент безошибочно определяет жизненный выбор короля: «Он хочет / Один противостать дождю и вихрю ⟨...⟩ / И как бы ищет бури» [Шекспир, с. 155]. Сам же Лир признает:

> ...буря в сердце
> Моем все боли тела заглушает...
> [Шекспир, с. 162].

В следующем очерке Ремизова — «Десять лет» (1931) — образ Блока по-прежнему заключает в себе коннотации с человеком «Лировых» страстей, так и не избывшего свою душевную боль. Однако теперь писатель находит аутентичный эквивалент метонимиям *буря в сердце* / *ветер до — сердца*, используя вариант церковнославянского тропа *бурю внутрь имея* из «Акафиста к Пресвятой Богородице» (кондак 4):

> «...у „имеющего внутрь бурю“, в неумиренности, с надрывающимся сердцем — какая тягчайшая доля!» [Ремизов 2000, т. 10, с. 334, 509].

Из очерка в очерк Ремизов выстраивал параллельные линии повествования между судьбой Блока и собственной жизнью, переводя мемориальный жанр в жанр автобиографический[14]. Метафорическая парадигма всеразрушающей стихии (от шекспировской бури, неминуемой пропасти до блоковского ветра, сбивающего человека с ног) образует доминантные, опорные с точки зрения авторской самоидентификации, мотивы художественного мира Ремизова не только в произведениях 1917–1919 гг., но и в автобиографической прозе эмигрантского периода[15]. Неслучайно в семантике названия романа-эпопеи «Взвихренная Русь» (1927) заключается смыслообраз *бури* / *вихря*, а в композиции — очерк «К звездам. Памяти Блока», который объективирует мировидение поэта как глубоко личную тему[16]. Подтекстовая метафора «бурю внутрь имея» присутствует в парадоксальном признании автора:

> «...знаете, что я заметил ⟨...⟩ — и не только на себе, а на и тех, кто пронес революцию в России, страду пережил — мы ведь все вроде как заворожены! — и вот чуть только повеет весть о какой-то надвигающейся в мире грозе, и вдруг тебе станет весело ⟨...⟩ в этом наша какая-то вера в бурю: вот надвигается в мире, идет и придет, наконец, подымет и развеет ⟨...⟩ и станет тогда на земле легко...» [Ремизов 2000, т. 5, с. 392–393].

---

[14] См. также о специфике поминальной эссеистики Ремизова: [Вахненко].

[15] Революционная семантика *вихря* в творчестве Блока и Ремизова восходит к метафорическим идеологемам «скифства» Иванова-Разумника как мировоззренческой модели литературной группы, участниками которой были и поэт и писатель. См. прочтение поэмы в идеологическом ключе: [Иванов-Разумник]. Обширность темы *вихря* в творчестве Ремизова выходит за рамки настоящей статьи.

[16] См. также о сопоставлении «Двенадцати» и «Взвихренной Руси»: [Слобин, с. 149–151].

2

В латентной форме блоковский субстрат содержится в романе «Учитель музыки». Ядро этого автобиографического произведения составили рассказы первой половины 1930-х гг., обращенные к поколению творческой эмигрантской молодежи, для которой идеал Блока стал краеугольным камнем их мировоззрения [Обатнина 2023]. С точки зрения авторского замысла, ориентированного на Блока как знаковую фигуру для старших и младших эмигрантов, логично, что в первоначальную редакцию «Учителя музыки», не опубликованного отдельным изданием при жизни писателя, автор включил поминальный текст, посвященный поэту:

не напечатано

Через десять лет (1921—1931)

Как десять лет назад, когда думая о умирающем Блоке, я рисовал картинки к его «Двенадцати», так и теперь, собирая эти картинки в альбом, я думал о судьбе Блока. При его жизни несколько раз я его видел во сне, потом вскоре после смерти в Берлине. Но в течение десяти лет ни разу не было такого во снах, чтобы запомнилось: имя его проносилось с другими именами. И только сегодня моя напряженная мысль вызвала его, как живого, и вот мы встретились опять.

Чтобы увидеть его, у меня сказалось, что я должен быть один. И я остался один. Это в Москве в том самом доме, где я прожил мое детство. Этот дом в одном из глухих переулков на Яузе, в саду за красным, утыканным гвоздями забором. Поздний вечер. Зима. В окне стоит луна, такая огромная, как она мне видится без очков. Без стуку вошел Блок, все такой же: улыбаясь протянул мне руку. И мне показалось по его одежде, что он прошел большой — бесконечный — путь через жестокую зиму, что у него нет крова, что странствование — его доля, и одиночество и молчание, что за столько лет в первый раз он видит человека.

Блок только смотрел на меня. И ни ⟨одного. — *зчркн*⟩ слова. И улыбка его показывала мне, что уж он не мучается, — его не мучает мороз и не знает он больше утомления от непрестанного пути: все его чувства сожжены. И я подумал: «вот лицо человека, сгоревшие чувства которого обнажили душу!» И еще подумал: «я не ошибся, в нем была душа беспокойная — беспокоющаяся, всегда тревожная и вот без чувств он успокоенный — какая ясность!»

«Если бы двери восприятий были очищены —
Мысленно читал я Вильяма Блейка —
Всякая вещь показалась бы людям такой,
Какая она есть — бесконечной. Ибо человек
Сам себя закрыл и стал видеть все
вещи через узкие скважины своей пещеры»[17].

[17] Цитата восходит к неопубликованному переводу поэмы Уильяма Блейка «Венчание Рая и Ада», выполненному С. П. Ремизовой-Довгелло. По оценкам исследователей, перевод жены писателя отличается от известных публикаций поэмы на русском языке точностью и стремлением

> И опять увидел я луну в окне, а тишина была такая, словно бы в Москве все вымерло, и только я один живу в доме в глухом переулке на Яузе во втором этаже, и мне стало страшно. И тогда в комнату вошла Серафима Павловна и с ней Любовь Дмитриевна Блок. И я им сказал:
> — Я сейчас видел Блока.
>
> с 21 на 22 VII 1931
> Kerbellec
> (на Океане в Бретани)[18]

Запись «видения о Блоке» была сделана почти за три недели до предстоящего дня памяти в 1931 г. Согласно помете, оставленной в правом верхнем углу страницы, автограф в этот юбилейный год остался в рабочем столе писателя. Вместо него 6 августа в «Последних новостях» (№ 3788) в печати появился очерк под сходным названием «Десять лет: Памяти А. А. Блока» (1931) [Ремизов 2000, т. 10, с. 333–335]. Второй очерк триптиха сближается с текстом автографа через мотив «напряженной мысли», вызывающей образы Блока. Писатель буквально следует предписаниям мистика Уильяма Блейка, используя здесь другую цитату из поэмы «Венчание Рая и Ада»[19]. В мемориальный очерк из визионерской записи также перешло описание океана и «чужого» берега:

> «Вихрь, унесший Россию, вьется над побережьем Океана, и здесь, на старых камнях, таким трудом сложившаяся жизнь хряснула. И в такие тревожные кануны десятилетие — этот вековой срок — историческая проба и испытание. ⟨...⟩ крепко и громко через свист вихря имя Блок» (1931) [Ремизов 2000, т. 10, с. 333].

Видение как эпизод личной биографии в несколько измененной редакции (например, с сокращением цитаты из Блейка) был инкорпорирован Ремизовым в автобиографический очерк «Закруты» (Последние новости. 1934. № 4673, 7 января), содержание которого, как и предшествующего очерка «Узлы» (Последние новости. 1933. № 4660. 25 декабря), представляет собой цепочку эпизодов, связанных со значимыми духовными событиями личной жизни писателя. В конце 1934 г. фрагмент «Закрут» с «видением о Блоке» появился на страницах немецкого периодического издания «Goetheanum»

сохранить «верность оригиналу и ориентированность на традицию дореволюционной русской словесности». См.: [Сердечная, с. 210].

[18] Публикуется впервые. Текст приводится по беловому автографу (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 11. Folder 15), с сохранением авторской пунктуации и старых / авторских форм грамматики. Аналогичный по содержанию черновой автограф находится в составе тетради Ремизова с надписью его рукой на обложке: «Алексей Ремизов. Из „Учителя музыки" (не издано). 25 IV 1950. Paris» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 24. Л. 32–33).

[19] См. о функциональной роли другой цитации из Блейка во втором очерке мемориального триптиха: [Грачева 2011, с. 95; см. также примеч. 18].

в переводе Gertrud Hahn [Remisow][20]. Публикация в представительном печатном органе антропософского движения автоматически возвела этот текст, оставшийся на периферии ремизовской Блокианы, в разряд эзотерической художественной эссеистики. Впоследствии писатель объединил обе части русской версии, искусственно разделенной для газетных публикаций 1933/34 гг., и уже под названием «Узлы и закруты» поставил вступлением к неопубликованной при его жизни рукописи романа «Иверень» [Ремизов 2000, т. 8, с. 13–14]. В комментариях, сопровождающих ремизовское видение на океане в восьмом томе Собрания сочинений писателя, незаслуженно обойден исследовательским вниманием центральный фрагмент встречи с духом Блока, в котором прочитываются очевидные текстуальные отсылки к блоковской лирике. В образе поэта, как палимпсест, проступает метафорически-содержательный слой стихотворения «Как тяжело ходить среди людей...» (1910):

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!
[Блок 1997, т. 3, с. 17]

Практически пересказывая поэтический источник, Ремизов учитывает предпосланный Блоком эпиграф из Фета («Там человек сгорел») и представляет поэта в новой ипостаси: «все его чувства сожжены»; «вот лицо человека, сгоревшие чувства которого обнажили душу!» [Ремизов 2000, т. 8, с. 14]. В сравнении с автографом окончательная редакция видения еще отчетливей объективирует текст-источник посредством почти дословной аллюзии к первой строке стихотворения «Как тяжело ходить среди людей...»:

> «И мне стало страшно. „Но ведь еще страшней ходить по земле чужим среди чужих!“ — подумал я». [Там же].

Видение, записанное в приближении к юбилейной дате 7 августа 1931 г., является завершением авторского «апокрифа» о загробной судьбе поэта, начало которого прослеживается в очерке 1921 г.

[20] С примечанием: «Aus einem Aufsatz von» — Из эссе Алексея Ремизова (*нем.*). Об истории перевода см. [Обатнина 2025, с. 417–420].

3

По мемориальной мотивации к корпусу Блокианы примыкает публикация трех сновидений, появившаяся в канун 7 августа 1925 г. на страницах парижской газеты «Звено» (рубрика «Памяти А. А. Блока») под авторским названием «А. А. Блок. Сны». Абсурдистский сюжет одной из миниатюр разворачивается в последней петербургской квартире поэта на Офицерской, 57, в которой поэт жил с 24 июля 1912 г. В дневниковой записи Блока от 15 января 1913 г. упоминается телефонный разговор с Ремизовым, содержание которого, имеющее непосредственное отношение к истории создания миниатюры, впервые опубликованной в 1914 г. под названием «Домовые» (др. название «На луну»), упущено в нашем комментарии к тексту второй редакции [Ремизов 2000, т. 7, с. 368–369; 593] и также отсутствует в комментариях других изданий[21]: «А. М. Ремизову получше, температура нормальная. Серафима Павловна видела сон о нашей квартире, который он записал» [Блок 1960–1965, т. 7, с. 208][22].

Собственно мемориальной подборку снов 1925 г. можно считать только благодаря краткому вступлению, в котором Ремизов объяснял:

> «7-го августа исполнилось 4 года со смерти Блока. Хочется мне помянуть его, а ничего у меня нет — письма его ко мне в России, а что рассказать бы мог из „нашей жизни“, неудобно: очень я сейчас расстроился в мыслях думой о последнем нашем убежище: „водосточной трубе“. Так лучше снами помяну, в которых он снился мне. Всего три сна...» [Ремизов 1925, с. 3].

Характерно для поминальной Блокианы в целом, что даже в кратком вступлении к снам писатель проводит мысль о собственной несчастной судьбе, сравнивая ее с потоком ливневых вод по водосточной трубе[23]. Еще в первом очерке 1921 г. он откровенно писал, остро переживая адаптацию к жизни в эмиграции:

«Это такое проклятие — вот уж подлинное несчастье! — оставить родную всколыханную землю, Россию...» (1921) [Ремизов 2000, т. 10, с. 324].

***

Учитывая внесенные нами дополнения к списку мемориальных произведений Ремизова, посвященных Блоку, наконец уточним состав корпуса Блокианы: триптих — три канонических очерка (1921–1946) [Ремизов 2000, т. 10, с. 323–338]; публикация миниатюр под названием «А. А. Блок. Сны»,

---

[21] См.: [Ремизов 2004, с. 437].

[22] См. также : [Грачева 2021].

[23] См. интерпретацию пассажа о «водосточной трубе» в статье: [Грачева 2011, с. 94].

с авторским «мемориальным» вступлением (впервые опубл. в 1925 г.) [Ремизов 2004, с. 94–96]; автограф «Через десять лет (1921–1931)» (1931 г.), записанный на десятую годовщину дня смерти поэта (впервые опубликован в измененной редакции в 1933 г.) [Ремизов 2000, т. 8, с. 13–14]. Объединительным признаком для всех пяти текстов является мотивация создания в соответствии с хронологией юбилейных дат со дня смерти поэта. Все произведения сохраняют единство авторской жанрово-стилистической манеры, сочетающей воспоминания о существовавших в действительности разговорах, фактах, касавшихся пересечения судеб Ремизова и Блока, и описания воображаемых встреч с поэтом в ирреальном пространстве. Посвященные Блоку воспоминания и размышления, так или иначе сопоставленные Ремизовым с событиями его личной жизни, не только закономерным образом автобиографичны, но и мифологичны. В них писатель безоговорочно сохраняет приоритет образного мышления над достоверностью фактов. Реальные события в мемориальном этом нарративе являются лишь житейскими обстоятельствами истории, совершавшейся на метафизическом уровне и позволяющей осмыслить содержание таких феноменальных явлений жизни, каким был А. А. Блок.

Рассматривая поминальный корпус произведений как развивающийся во времени автобиографический текст, мы также отметили тенденцию художественной мысли, из очерка в очерк дополняющей знание Ремизова о Блоке. В описании загробной судьбы поэта сквозной линией проходит его путь через «тесную огненную грань жизни» (1921) [Ремизов 2000, т. 10, с. 323] к встрече в московском доме детства писателя на Яузе, где был найден ответ, прозвучавший еще в очерке 1921 г.: «Счастлив ли дух ваш?» [Ремизов 2000, т. 10, с. 324]. Такого рода поступательное расширение семантического поля циклических произведений применительно к блоковской лирике Е. Г. Эткинд назвал «приращением смысла» [Эткинд, с. 17–39]. В Блокиане собственно поэтика цитат или аллюзий к ним преобразована в авторскую мифопоэтику. Текст-источник здесь наполняется новыми семантическими значениями, окружен историей личных взаимоотношений, актуальной для тех, кто хранил память о Блоке, как часть своей собственной судьбы. С этой точки зрения Блокиану Ремизова можно рассматривать как мифотворческое произведение, посвященное герою трагической эпохи. Ремизовский миф о Блоке представляет собой неотъемлемую часть «культа» Блока, который создавался также коллективно, как Пушкинский миф, в значительной степени возникший в результате литературной рецепции и многочисленных «апокрифических» сюжетов[24].

[24] О творческом осмыслении Пушкинского мифа как культурного феномена в творчестве Ремизова см.: [Обатнина 2024].

Литература

Бахрах — *Бахрах А.* Встречи Блока с Ремизовым // Русская мысль. 1981. № 3388, 26 нояб. С. 10, 14.

Блок 1960–1965 — *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1960–1965.

Блок 1997 — *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997–2022 (Изд. продолжается).

А. А. Блок и Е. П. Иванов — Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Кн. 1: Переписка (1904–1920) / Сост., предисл., подгот. текста В. Н. Быстрова, коммент. В. Н. Быстрова при участии О. Л. Фетисенко. 280 с.; Кн. 2: Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. 560 с.

Вахненко — *Вахненко Е. Е.* Очерки In memoriam в творческом наследии А. М. Ремизова: новонайденное «Послание» парижскому некрополю // Русская литература. 2021. № 2. С. 218–228.

Грачева 2011 — *Грачева А. М.* Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. Вып. 4. С. 84–101.

Грачева 2021 — *Грачева А. М.* А. А. Блок в неизданной книге А. М. Ремизова «С. П. Р-Д» // Русская литература. 2021. № 3. С. 119–127.

Иванов-Разумник — *Иванов-Разумник* [*Иванов-Разумник Р. В.*]. Испытание в грозе и буре // Наш путь: Литературно-политический журнал Революционного Социализма. 1918. № 1 (апрель). С. 131–158.

Кайдалова, Примочкина — Воспоминания о Блоке (Из огненной России. Десять лет. По серебряным нитям (Лития)) / Публ. Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примочкиной // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования, кн. 2. С. 129–142.

Литературное наследство, т. 89 — Литературное наследство. М.: Наука, 1978. Т. 89: Александр Блок. Письма к жене / Вступ. ст. и коммент. В. Н. Орлова. 414 с.

Максимов — *Максимов Д. Е.* Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 6–151.

Минц, Юлова — Переписка [А. А. Блока] с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. ст. З. Г. Минц. Публ. и коммент. А. П. Юловой // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования, кн. 2. С. 63–82.

Обатнина 2001 — *Обатнина Е. Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Иван Лимбах, 2001. 383 с.

Обатнина 2011 — *Обатнина Е. Р.* Эмигрантское самосознание: Анекдот versus трагедия // Россия и Запад: Сб. ст. в честь 70-летия К. М. Азадовского / Сост. М. Безродный. М.: Новое лит. обозрение, 2011. С. 403–409.

Обатнина 2023 — *Обатнина Е. Р.* Алексей Ремизов: учитель и его ученики (к истории смыслообраза «учитель музыки» в контексте нового искусства XX века) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 98–108.

Обатнина 2024 — *Обатнина Е. Р.* Опыт прочтения артефакта: «Пушкинская» тетрадь Алексея Ремизова // Вестник Санкт-Петербургского университета. [Сер.]: Язык и литература. 2024. Т. 21, № 1. С. 61–78.

Обатнина 2025 — *Обатнина Е. Р.* Герта Ган / Gertrud Hahn: путь из России в Германию (штрихи к биографии корреспондентки Александра Блока и Алексея Ремизова) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 4. С. 400–437.

Пайман — *Пайман А.* История русского символизма / Авториз. пер. с англ. В. В. Исаакович. М.: Республика, 1998. 415 с.

Ремизов 1925 — *Ремизов А. М.* А. А. Блок // Звено (Париж). 1925. № 132, 10 авг.

Ремизов 2000 — *Ремизов А. М.* Собр. соч. М.: Русская книга; Росток, 2000–2003; 2015–2025 (Изд. продолжается).

Ремизов 2004 — *Ремизов А. М.* Сторона небывалая: Легенды, сказки, сны, фантастика, исторические были-небыли: Сб. / Сост. И. А. Попов, Н. Н. Попова; Вступ. ст., коммент., словарь И. А. Попова. М.: Русский путь, 2004. 488 с.

Сердечная — *Сердечная В.* Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of Heaven and the Hell»: загадка рукописей из архива Ремизовых // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 202–212.

Слобин — *Слобин Г. Н.* Проза Ремизова, 1900–1921 / Пер. с англ. Г. А. Крылова. СПб.: Академ. проект, 1997. 203 с.

Чулков — *Чулков Г.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. Л.: Федерация, 1930. 298 с.

Шекспир — *Шекспир В.* Король Лир: Трагедия в пяти действиях / Пер. А. Дружинина. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1858. 162 с.

Эткинд — *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж: Institut d'études slaves, 1978. 506 с.

Remisow — *Remisow A.* Knotenpunkte der Erinnerung / Übers. von G. Hahn // Das Goetheanum. 1934. № 49, 9. Dez. S. 389–390.

References

Bakhrakh, A. (1981). 'Vstrechi Bloka s Remizovym' ['Meetings of the Blok and Remizov'], *Russkaya Mysl'*, 26 nov., no. 3381, 10, 14. (In Russ.)

Blok, A. A. (1997–2022). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 1–8, 13* [*Complete Works and Letters: In 20 vols. Vols 1–8, 13*]. Moscow: Nauka Publ. (Publ. continues). (In Russ.)

Etkind, E. (1978). *Materiya stikha* [*The Matter of Poetry*]. Paris: Institut d'études slaves Publ., 506 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L., Bystrov, V. N., eds. (2017). *Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: V 2 t. T. 1: Perepiska (1904–1920); T. 2*: Ivanov E. P. *Vospominaniya o Bloke. Stat'i* [*Alexander Blok and Evgeny Ivanov: In 2 vols. Vol. 1: Correspondence (1904–1920); Vol. 2: Ivanov, E. P. Memories of Blok. Articles*]. St. Petersburg: Pushkinskii Dom Publ., 280 p., 560 p. (In Russ.)

Gracheva, A. M. (2011). 'Posmertnaya zhizn' Aleksandra Bloka v tvorchestve Alekseya Remizova' ['The Posthumous Life of Alexander Blok in the Works of Alexei Remizov'], in: Gryakalova N. Yu., ed., *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials]. St. Petersburg: Pushkinskii Dom Publ. Vol. 4, 84–101. (In Russ.)

Gracheva, A. M. (2021). 'A. A. Blok in A. M. Remizov's Unpublished Book "S. P. R⟨emizova⟩-D⟨ovgello⟩"', *Russkaya literatura*, 3, 119–127. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-119-127. (In Russ.)

Kaidalova, N. A., Primochkina, N. N., eds. (1981). 'Vospominaniya o Bloke' ['Memories of the Blok'], in*: Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya* [*Literary Heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New Materials and Research*]. Moscow: Nauka Publ., 2, 129–142. (In Russ.)

Maksimov, D. E. (1981). 'Ideya puti v poeticheskom mire Al. Bloka' ['Idea of the Way in the Poetic World of Al. Blok'], in: Maksimov, D. E. *Poeziya i proza Al. Bloka* [*Poetry and Prose by Al. Blok*]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 6–151. (In Russ.)

Mints, Z. G., Yulova, A. P., eds. (1981). 'Perepiska [A. A. Bloka] s A. M. Remizovym (1905–1920)' ['Correspondence with A. M. Remizov (1905–1920)'], in: *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia* [*Literary Heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New Materials and Research*]. Moscow: Nauka Publ., 2, 63–128. (In Russ.)

Obatnina, E. R. (2001). *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [*Tsar Asyka and His Subjects: A. M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in Persons and Documents*]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 384 p. (In Russ.)

Obatnina, E. R. (2011). 'Emigrantskoe samosoznanie: Anekdot versus tragediya' ['Emigrant Identity: Anecdote Versus Tragedy'], in: Bezrodnyi, M., ed., *Rossiya i Zapad: Sbornik statei v chest' 70-letiya K. M. Azadovskogo* [*Russia and the West: Collection of Articles in Honor of the 70th Birthday of K. M. Azadowski*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 403–409. (In Russ.)

Obatnina, E. R. (2023). 'Alexey Remizov: Teacher and His Pupils (On the History of the Meaning of *Music Teacher* in the Context of Modern Art of the 20th Century', *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 22, no. 9: Philology, 98–108. DOI https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-9-98-108 (In Russ.)

Obatnina, E. R. (2024). 'The Artifact Reading Experience: "Pushkin Notebook" by Alexei Remizov', *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. Vol. 21, 1, 61–78. DOI https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.104 (In Russ.)

Obatnina, E. R. (2025). 'Gerta Gan / Gertrud Hahn: put' iz Rossii v Germaniyu (shtrikhi k biografii korrespondentki Aleksandra Bloka i Alekseya Remizova)' ['Gertrud Hahn: The Path from Russia to Germany (Notes to the Biography of a Correspondent of Alexander Blok and Alexei Remizov)'], *Studia Litterarum*. Vol. 10, 4, 400–437. (In Russ.)

Orlov, V. N., ed. (1978). *Literaturnoe nasledstvo. T. 86: Aleksandr Blok. Pis'ma k zhene* [*Literary Heritage. Vol. 86: Alexander Blok. Letters to Wife*]. Moscow: Nauka Publ., 414 p. (In Russ.)

Popov, I. A., Popova, N. N., eds. (2004). Remizov, A. *Storona nebyvalaya: Legendy, skazki, sny, fantastika, istoricheskie byli-nebyli: Sbornik* [*The Unprecedented Side: Legends, Fairy Tales, Dreams, Fantasy, Historical Facts and Fictions: Collection*]. Moscow: Russkii put' Publ., 488 p. (In Russ.)

Pyman, A. (1998). *Istoriya russkogo simvolizma* [*History of Russian Symbolism*]. Moscow: Respublika Publ., 415 p. (In Russ.)

Remizov, A. M. (2000–2003; 2015–2025). *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]. Moscow, St. Petersburg, Russkaya kniga Publ.; Rostok Publ. (Publ. continues). (In Russ.)

Serdechnaya, V. (2017). 'Pervyi russkii perevod poemy Uil'yama Bleika "The Marriage of Heaven and the Hell": zagadka rukopisei iz arkhiva Remizovykh' ['The First Russian Translation of William Blake's Poem "The Marriage of Heaven and the Hell": An Enigma of Manuscripts from the Remizov Archive'], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (146), 202–212. (In Russ.)

Slobin, G. N. (1997). *Proza Remizova (1900–1921)* [*Remisov's Fiction (1900–1921)*]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 206 p. (In Russ.)

Vakhnenko, E. E. (2021). '"In Memoriam" Essays in Alexey Remizov's Creative Legacy: A Newly-Found "Message" to the Paris Necropolis', *Russkaya literatura*, 2, 218–228. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-218-228. (In Russ.)